

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 15.04.2025
Принята к публикации: 28.08.2025

Джаваншир Мамед оглы АЛИЕВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

aliyevjavanshir@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7582-8318

КОНЦЕПЦИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ И НЕЙРОПРАВА: ОБЗОР ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСОВ¹

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматривается эволюция концепции целостности личности в международном праве. Анализ международно-правовых актов универсального и регионального характера, а также дел, рассмотренных в международных судебных и квазисудебных инстанциях, подтверждает двуединую природу этой концепции, которая состоит из права на физическую целостность и права на психическую целостность личности. Особое внимание в статье уделяется вызовам, создаваемым стремительным развитием нейротехнологий, которые требуют переосмысления содержания концепции целостности личности, в частности ее психической составляющей. В доктрине рассматриваются подходы, предлагающие либо сформировать новые, так называемые «нейроправа», либо включить их в уже существующее право на психическую целостность личности и защищать по аналогии с опытом защиты права на физическую целостность личности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основано на комплексном анализе международно-правовых актов и прецедентной практики международных судебных органов. Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход) и специальные юридические методы (формально-логический, структурно-

юридический, сравнительно-правовой). Акцент сделан на сочетании сравнительно-правового метода и системного подхода при изучении и проведении анализа особенностей закрепления права на целостность личности среди фундаментальных прав человека на международном универсальном и региональном уровнях. Также дополнительно автор использует метод «лестничного исследования» при рассмотрении практики международных судебных органов в исследуемой сфере.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Установлено, что концепция целостности личности, закрепленная в международном праве, носит двуединый характер, охватывая физическую и психическую целостность. Показано, что если физический аспект разработан достаточно детально, то психическая составляющая долгое время оставалась в тени и лишь недавно стала предметом активных дискуссий. Выявлено, что развитие нейротехнологий (нейростимуляция, нейрохакинг, манипуляции с памятью) создает угрозы психической автономии и когнитивной свободе человека, что актуализирует вопрос о необходимости новой системы гарантий.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В статье обсуждаются различные доктринальные подходы к защите психической целостности: от расширения толкования существующих прав (права

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00856, <https://rscf.ru/project/25-28-00856/>

на уважение частной жизни, достоинство человека, свободы мысли) до создания новых специальных прав (право на психическую неприкосновенность, право на когнитивную свободу, право на психическое самоопределение). Автор присоединяется к преобладающей точке зрения, согласно которой «нейроправа» целесообразно рассматривать не как абсолютно новые права, а как логическое развитие существующих прав, в частности права на психическую целостность личности. Делается вывод о необходимости нормативного закрепления и конкретизации содержания психической целостности по аналогии с физической, с учетом современных нейротехнологических рисков, для обеспечения эффективной защиты фундаментальных прав и достоинства человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: права человека, целостность личности, право на психическую целостность личности, нейроправа

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алиев Д.М. 2025. Концепция целостности личности и нейроправа: обзор дискуссионных вопросов. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00856, <https://rscf.ru/project/25-28-00856/>

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>

Research article

UDC: 341

Received: 15 April 2025

Approved: 28 August 2025

Javanshir M. ALIYEV

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
aliyevjavanshir@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7582-8318

THE CONCEPT OF PERSONAL INTEGRITY AND NEURORIGHTS: A REVIEW OF CONTROVERSIAL ISSUES

INTRODUCTION. *The article examines the evolution of the concept of the integrity of the person in international law. An analysis of universal and regional international legal acts, as well as cases considered by international judicial and quasi-judicial bodies, confirms the dual nature of this concept, which consists of the right to physical integrity and the right to mental integrity of the person. The article pays particular attention to the challenges posed by the rapid development of neurotechnology, which require a rethinking of the concept of the integrity of the person, particularly its mental component. The doctrine considers approaches that propose either the creation of new, so-called neurorights, or their inclusion within the existing right to mental integ-*

ry of the person, protected by analogy with the experience of safeguarding the right to physical integrity.

MATERIALS AND METHODS. *The study is based on a comprehensive analysis of international legal acts and the case law of international judicial bodies. Its methodological basis comprises general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, systematic approach) and specific legal methods (formal-logical, structural-legal, comparative-legal). Particular emphasis is placed on the combined use of the comparative-legal method and the systematic approach in analysing the protection of the right to the integrity of the person among fundamental human rights at the universal and regional international lev-*

els. In addition, the author applies the 'stairs study' method when examining the practice of international judicial bodies in this field.

THE RESEARCH RESULTS. It has been established that the concept of the integrity of the person enshrined in international law is dual in nature, covering physical and mental integrity. It is shown that while the physical aspect has been developed in sufficient detail, the mental component has long remained in the shadows and has only recently become the subject of active discussions. It has been revealed that the development of neurotechnologies (neurostimulation, neurohacking, memory manipulation) poses threats to mental autonomy and cognitive freedom of a person, which actualizes the issue of the need for a new system of guarantees.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The article discusses various doctrinal approaches to protecting mental integrity: from broadening the interpretation of existing rights (the right to respect for private life, human dignity, freedom of thought) to creating new special rights (the right to mental privacy, the right to cognitive freedom, the right to mental self-determination). The author agrees with the prevailing view that

neurorights should be considered not as entirely new rights, but as a logical development of the right to mental integrity of the person. It is concluded that mental integrity should be legally defined and specified, by analogy with physical integrity, while considering modern neurotechnological risks, in order to ensure the effective protection of fundamental human rights and dignity.

KEYWORDS: human rights, integrity of the person, right to mental integrity of the person, neurorights

FOR CITATION: Aliyev J.M. The Concept of Personal Integrity and Neurorights: a Review of Controversial Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 3. P. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>

The author declares the absence of conflict of interest.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00856, <https://rscf.ru/project/25-28-00856/>

1. Вступительные замечания

Концепция целостности личности нашла свое закрепление в ряде международно-правовых актов универсального и регионального характера, а ее содержание детализировалось и конкретизировалось в практике международных судебных и квазисудебных органов. В научной литературе эта концепция традиционно рассматривается в связи с такими категориями прав, как человеческое достоинство, право на уважение частной и семейной жизни, свобода мысли, запрет пыток и др.

Рассматриваемая концепция охватывает два взаимодополняющих аспекта: право на физическую и право на психическую целостность личности. Она возлагает на государства позитивное обязательство гарантировать эффективную защиту обеих составляющих целостности личности. Если физический аспект целостности личности уже получил достаточно полное

освещение в теории и практике, то психическая составляющая лишь недавно стала объектом оживленных научных дискуссий. Это напрямую связано с развитием нейротехнологий.

Быстрое развитие нейротехнологий создает новые угрозы в области защиты прав человека. Научное сообщество предлагает различные подходы, в том числе создание новых прав, предусматривающих защиту перед лицом таких угроз. Эти права в доктрине принято называть «нейроправами». Они призваны защищать психическое состояние человека, «данные его мозга» от несогласованного вмешательства как путем психических манипуляций, так и через технологические устройства (встроенные чипы, протезы, звуки и т.д.).

Настоящая статья концентрирует внимание на двуединстве права на целостность личности и его новом наполнении, связанном с быстрым развитием современных нейротехнологий, требующих новых гарантий психической целостности индивида.

2. Понятие «целостности личности» в международном праве

Отправным пунктом анализа права на целостность личности в международном праве является прецедент по делу *X and Y v. the Netherlands*², в котором Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) подтвердил позитивную обязанность государства гарантировать право на частную жизнь, рассматриваемое в качестве концепции, охватывающей «физическую и моральную целостность человека, включая его или ее сексуальную жизнь»³.

Следует отметить, что в прецедентной практике ЕСПЧ право на целостность личности рассматривается в рамках права на уважение частной и семейной жизни, гарантированного ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Однако в Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г. (далее — Хартия) право на целостность личности было закреплено как отдельное право (ст. 3)⁴ наравне с правом на уважение частной и семейной жизни (ст. 7–8).

Выделение права на целостность личности в качестве отдельного права в Хартии было обусловлено развитием биологии и медицины, которое породило принципиально новые биоэтические и правовые вызовы, требующие эффективных механизмов защиты прав человека⁵.

В Хартии, которая делится на главы, ст. 3 была отнесена к Главе I под названием «Достоинство». В соответствии со ст. 1 Хартии достоинство человека обладает неприкосновенностью и подлежит уважению и защите. Данная формулировка акцентирует фундаментальный характер человеческого достоинства как основы всей системы прав человека, при этом его защита включает в себя, в частности гарантии целостности

личности [Кудрявцев 2014:91-98]. А. Адено отмечает, что для того, чтобы лучше понять природу достоинства человека, нужно рассматривать его в связи с другими фундаментальными концепциями и принципами. Так, он указывает, что идея человеческого достоинства часто используется в контексте защиты целостности личности. Речь идет о личности в ее различных измерениях: физическом, психологическом и социальном [Addis 2019:326-328]. Концепция целостности личности также рассматривается во взаимосвязи с запрещением пыток [Lighthart 2019:83-99] и свободой мысли [Alegre 2017:232-233; Hertz 2023:407].

Несмотря на отсутствие единого подхода к определению сферы защиты права на целостность личности, это право и связанные с ним дефиниции нашли отражение в различных международно-правовых актах:

Устав Организации Объединенных Наций (далее – ООН) 1945 г., Преамбула которого закрепляет: «Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности...».

Всеобщая декларация прав человека 1948 г., ст. 1 которой гласит, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг к другу в духе братства», а ст. 3 закрепляет, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность».

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП). Статья 7 МПГПП провозглашает запрет пыток и любых форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. Кроме того, она закрепляет обязательное

² Case of *X and Y v. the Netherlands*. Judgment of 26 March 1985. – *HUDOC*. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57603> (дата обращения: 17.06.2025).

³ Подробнее об этом см.: Руководство по применению статьи 8 Европейской конвенции по правам человека. Право на уважение частной и семейной жизни. 1-е издание. С. 17-18. URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_8_rus (дата обращения: 12.04.2025).

⁴ Пункт 1 данной статьи устанавливает, что «каждое лицо имеет право на уважение своей физической и психической целостности». Пункт 2 закрепляет: (1) обязательность получения свободного и осознанного согласия; (2) запрет евгенических практик; (3) использования человеческого тела и его частей в качестве источника финансовой выгоды и (4) репродуктивного клонирования. Подробнее см.: [Торкунова 2024:48-49; Абашидзе, Солнцев 2009:75-77].

⁵ Подробнее об этом см.: Commentary of the Charter of Fundamental Rights of the European Union. – *EU Network of Independent Experts on Fundamental Rights*. June 2006. P. 36-42. URL: <https://sites.uclouvain.be/cridho/documents/Download.Rep/NetworkCommentaryFinal.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

требование получения свободного и информированного согласия до проведения любых медицинских или научных экспериментов над лицом.

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. Как видно из ее названия и содержания ст. 16, она устанавливает запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В Преамбуле Конвенции указывается, что все права вытекают из достоинства, присущего личности.

Конвенция о правах инвалидов 2006 г., ст. 17 «Защита личной целостности» которой закрепляет, что «каждый инвалид имеет право на уважение его физической и психической целостности наравне с другими».

Африканская Хартия прав человека и народов 1981 г., ст. 4 которой закрепляет, что личность неприкосновенна, и каждый человек имеет право на уважение его жизни и целостности личности. Никто не может быть произвольно лишен этого права.

Американская конвенция о правах человека 1969 г., ст. 5 которой устанавливает, что каждый человек имеет право на уважение его физической, духовной и моральной целостности, и что никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство наказаниям или обращению. Все лица, лишенные свободы, имеют право на уважение достоинства, присущего личности.

Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 года (далее – Конвенция Овьедо). В ст. 1 закрепляется, что стороны Конвенции защищают достоинство человека и гарантируют каждому без исключения соблюдение целостности личности и других прав и основных свобод в связи с применением достижений биологии и медицины.

Этот перечень международно-правовых актов, в которых прямо или косвенно затрагивается концепция целостности личности, не является исчерпывающим. Несмотря на отсутствие единого подхода к закреплению рассматриваемой концепции, можно сделать вывод, что под ней следует понимать как физическую, так и психическую целостность, которая должна гарантироваться правом.

3. Двуетьединство целостности личности и его защита в международном праве

Указанный подход относительно двуетьединства права на целостность личности нашел прямое закрепление не только в ряде международных правовых актов⁶, но и получил последующее развитие в практике международных судебных и квазисудебных инстанций. В частности, Комитет ООН по правам человека в общих замечаниях затрагивал концепцию целостности личности. Например, в Общем замечании № 20-1992⁷ Комитет подчеркивает, что цель ст. 7 МПГПП заключается в «защите достоинства и физической и психической целостности лица», а также расширяет понятие пыток на деяния, причиняющие психические страдания, включая длительное одиночное заключение и насильственные эксперименты без согласия (п. 2, 5). Дальнейшее развитие эта концепция получила в Общем замечании № 35-2014 к ст. 9⁸, где Комитет прямо включает «телесную и психическую целостность» в содержание гарантии «неприкосновенности личности» (п. 3).

В практике международных региональных судебных учреждений, в деле *Velasquez Rodriguez v. Honduras*⁹, Межамериканский суд по правам человека также отметил, что длительная изоляция и лишение возможности общения подрывают не только физическую, но и психологическую целостность личности, что тоже рассматривается как нарушение достоинства человека (п. 187). В деле *Bensaid v. United Kingdom*¹⁰

⁶ Американская конвенция о правах человека 1969 г. (ст. 5), Хартия (ст. 3), Конвенция о правах инвалидов 2006 г. (ст. 17) и др.

⁷ UN Human Rights Committee (HRC). CCPR General Comment No. 20: Article 7 (Prohibition of Torture, or Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment). 10 March 1992. URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1992/en/11086> (дата обращения: 7.05.2025).

⁸ UN Human Rights Committee (HRC). General comment no. 35, Article 9 (Liberty and security of person). CCPR/C/GC/35. 16 December 2014. URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/2014/en/104763> (дата обращения: 7.05.2025).

⁹ Inter-American Court of Human Rights. Case of Velásquez-Rodríguez v. Honduras, Judgment of July 29, 1988 (Merits). URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_04_ing.pdf (дата обращения: 1.03.2025).

¹⁰ Case of Bensaid v. The United Kingdom. No. 44599/98. Judgment of 6 February 2001. – HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59206> (дата обращения: 07.06.2025).

ЕСПЧ впервые указал, что «психическое здоровье и «психическая стабильность» являются элементами права на частную жизнь.

Все вышеуказанное подтверждает тезис о том, что понятие целостности личности имеет двуединую природу. Нарушение как физического, так и психического состояния воспринимается в качестве ущемления основного статуса человека как носителя достоинства [Кравец 2023:89].

Уже было отмечено, что целостность личности стала рассматриваться как отдельное право в связи с развитием науки, в частности, биологии и медицины, что отражается, например, в ст. 3 Хартии или в ст. 1 Конвенции Овьедо. Здесь в первую очередь рассматривается физическая целостность личности. Если физический аспект права на целостность личности получил достаточно широкое освещение в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей¹¹, то того же нельзя сказать о его психической составляющей. Некоторые ученые отмечают, что самостоятельное право на психическую целостность, отдельное от права на физическую целостность, не получило достаточного развития [Tesink, Douglas, Forsberg 2024:657-658]. В качестве редкого примера международно-правового закрепления психического аспекта целостности личности К. Баблиц ссылается на понятие «умственное расстройство» (mental harm), включенное в Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. [Bublitz 2024:787-789]. Также практика Межамериканского суда по правам человека разработала подход, согласно которому ближайшие родственники лица, чьи права были нарушены, также могут рассматриваться в качестве жертв на основании статьи о защите целостности личности. Например, в деле R.P., V.P.C. et al. v. Nicaragua¹² Суд посчитал, что право на психическую и моральную целостность членов семьи или других лиц, имеющих тесные связи с жертвами, было нарушено «...по причине дополнительных страданий, которые они претерпели в результате особых обстоятельств нарушений, совершенных в отношении их близких...» (п. 327) [Bublitz 2024:787].

Анализируя соотношение психической и физической целостности личности, Дж.Н. Крейт исходит из идеи их взаимозависимости: психика формируется и поддерживается мозгом как одним из органов тела. При этом исследователь отмечает отличие психических свойств (когнитивных, аффективных, волевых процессов) от физических характеристик тела. Именно эти свойства, по его мнению, лежат в основе рациональной и моральной деятельности, отражающей ценности и интересы, мотивирующие поступки человека [Craig 2016:111].

4. Право на целостность личности и нейрорights

Научный прорыв в сфере медицины и биотехнологий привел к появлению новых вызовов в области защиты прав человека в основном в части физической целостности личности. Вместе с тем развитие технологий, которые могут влиять на когнитивные способности человека и корректировать их, породило необходимость переосмысления подходов к защите психической целостности человека. Значительный прогресс в этой области обеспечивает более глубокое понимание нейробиологических процессов. Специалисты считают, что есть основания полагать, что наряду с растущим пониманием этих процессов возникает все большая способность манипулировать и даже контролировать обоснование и принятие человеком тех или иных решений [Craig 2016; Cowell, Decety 2015:93-97]. Фактически несогласованное вмешательство и изменение нейронных процессов человека представляет собой угрозу психической целостности личности. Также ученые отмечают, что быстрое развитие нейротехнологий указывает на возникновение новых возможностей для вмешательства в разум людей с помощью технологических устройств (встроенные чипы, протезы, звуки и т.д.), в связи с чем среди ученых возникли дискуссии по вопросу о том, насколько разум находится под полным контролем человека в современном мире?¹³ По этой причине возникли идеи о переосмыслении действующих прав человека

¹¹ Подробнее об этом см.: [Торкунова 2025:102; Семешко, Суханова 2021:169; Торкунова, Щербакова 2020:51-80; Калининченко, Пономарева 2019:69-70; Косилкин 2023:34-52; Hawkins 2016:83-91].

¹² Inter-American Court of Human Rights. Case of V.R.P., V.P.C. et al. v. Nicaragua. Judgment of 8 Mar. 2018. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_350_ing.pdf (дата обращения: 17.06.2025).

¹³ UNESCO. The Risks and Challenges of Neurotechnologies for Human Rights. 2022. P. 20-22. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384185> (дата обращения: 17.06.2025).

или даже создании новых прав для защиты психической целостности личности [Ienca, Andorno 2017:1-27]. Комплекс прав, которые призваны защищать от новых вызовов в связи с развитием нейротехнологий, в научной литературе часто обозначаются «нейроправами».

Некоторые ученые предлагают рассматривать «нейроправа» как новые права, а большинство придерживаются позиции, что это составная часть психической целостности человека и обеспечить их защиту необходимо по аналогии и на основе опыта, накопленного в области обеспечения защиты физической целостности человека.

В своих исследованиях М. Йенка и Р. Андорно обосновывают необходимость нормативного закрепления нового блока «нейроправ», способных адекватно реагировать на риски, порождаемые развитием нейротехнологий. Вектор аргументации авторов строится вокруг расширения уже известного в международном праве права на психическую целостность, понимание которого предлагается дополнить защитой от таких угроз, как нежелательная нейростимуляция (unwanted neurostimulation), вредоносный нейрохакинг (malicious neurohacking) и манипуляции с памятью (harmful memory manipulation), потенциально подрывающие автономию личности и ее когнитивную стабильность. Также исследователи особо подчеркивают риски того, что вмешательства в «нейровычислительные» процессы личности могут обосновываться публичными интересами [Ienca, Andorno 2017:17-20].

Помимо права на психическую целостность (the right to mental integrity) М. Йенка и Р. Андорно предлагают установить такие права, как право на психическую неприкосновенность (the right to mental privacy), обеспечивающее конфиденциальность «данных мозга»; право на психологическую непрерывность (the right to psychological continuity), предотвращающее разрывы в восприятии личной идентичности вследствие внешних вмешательств; право на когнитивную свободу (the right to cognitive liberty), закрепляющее автономию в выборе и изменении собственных психических состояний [Ienca, Andorno 2017:9].

К. Баблиц в свою очередь предлагает закрепить одно новое право – право на психическое самоопределение (mental self-determination), которое должно охватывать четыре принципа: никто не имеет претензий на разум правообладателя; защита от вмешательства в разум

(психическая целостность); защита от наказания за мысли, убеждения и мнения; свободу не раскрывать свои мысли или чувства – психическая неприкосновенность (mental privacy) [Bublitz 2020:398-400]. Таким образом, сфера действия этого права очень широка и по большей части повторяет предложенные М. Йенкой и Р. Андорно права. К. Баблиц утверждает, что новое право на психическое самоопределение будет представлять собой производную комбинацию отдельных, ранее закрепленных прав человека, а именно: права на уважение частной жизни и права на свободу мысли. Однако он настаивает на необходимости отдельного закрепления нового права, поскольку оно обеспечит лучшую защиту, чем существующие права.

По мнению же Н. Герц, именно право на свободу мысли можно последовательно интерпретировать как право, предоставляющее всеобъемлющую защиту психических процессов и «данных мозга» [Hertz 2023:4].

А. Лавацца, развивая концепцию «нейроправ», выступает за признание и нормативное закрепление права на психическую целостность, которое он определяет как «владения индивидом своим психическим состоянием и данными своего мозга, чтобы без его согласия никто не мог читать, распространять или изменять такие состояния и данные с целью воздействовать на индивида каким-либо образом» [Lavazza 2018:4].

Как видно из вышеуказанного, развитие нейротехнологий создает необходимость более детального раскрытия содержания права на психическую целостность личности. Если границы тела в целом можно определить, а выявление и предотвращение посягательств на него не вызывает существенных разногласий, то с разумом дела обстоят иначе: сложно определить, что подлежит защите [Istace 2023:214-217].

Из приведенных выше примеров следует, что в научной доктрине предлагаются различные подходы к формулировке и правовому закреплению права на психическую целостность личности. Несмотря на различия в деталях и акцентах, все исследователи сходятся в одном: стремительное развитие нейротехнологий уже породило качественно новые вызовы в сфере защиты прав человека. В настоящее время концепция целостности личности может служить основой для защиты от угроз, связанных с развитием нейротехнологий. Представляется обоснованным рассматривать психическую целостность

как неотъемлемую часть общего понятия целостности личности, аналогично уже сложившемуся в праве подходу к физической целостности. В связи с этим целесообразно уточнение и нормативное закрепление содержания психической целостности с опорой на существующие правовые принципы, применимые к физической целостности личности.

5. Выводы

Сложившееся в международном праве понимание целостности личности как концепции, состоящей из права на физическую и права на психическую целостность личности, сегодня подвержено новым вызовам, связанным с развитием и внедрением нейротехнологий. Нейротехнологии и связанная с их применением защита прав человека дают новое наполнение содержанию права на психическую целостность личности в контексте единства физических и психических процессов человеческого организма.

Отдельные ученые предлагают рассматривать «нейроправа» как новые права, а большинство

придерживается позиции, что это составная часть психической целостности человека и обеспечить их защиту необходимо по аналогии и на основе опыта, накопленного в сфере обеспечения защиты физической целостности человека. Придерживаясь указанной преобладающей точки зрения, мы полагаем, что концепцию «нейроправ» целесообразно рассматривать как составную часть концепции целостности личности, в частности ее психической составляющей».

Общее мнение заключается в том, что «нейроправа» должны защищать лиц от всех видов несогласованного психического вмешательства, которые могут повлиять на принятие решений и их моральное обоснование, и которые направлены на обход рациональной защиты людей от психических манипуляций.

Эффективная система защиты психической целостности личности требует изучения не только действующих правовых норм и судебных прецедентов, но и принятия во внимание исследования об уязвимости когнитивных процессов, что позволит более точно определить необходимую сферу защиты «нейроправ».

Список литературы

1. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. 2009. Новое поколение прав человека: соматические права. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 69-82.
2. Калинин П.А., Пономарева Д.В. 2019. Этические аспекты регулирования геномных исследований в международной и российской практике. – *Медицинская радиология и радиационная безопасность*. Т. 64. № 5. С. 69-70.
3. Косилкин С.В. 2023. Принципы международно-правового регулирования генетических исследований и законодательство Российской Федерации. – *Lex Genetica*. № 2 (2). С. 34-52.
4. Кравец И.А. 2023. *Право на целостность личности. – Права человека: основные понятия, категории, институты: учебный словарь*. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. 240 с.
5. Кудрявцев М.А. 2014. Достоинство человека и право на целостность личности как нравственный императив научно-технического прогресса. – *Взаимодействие права и морали*. Материалы Междунар. науч. конф. Москва. 20 мая 2014 г. Москва: Моск. гуманит. ун-т. С. 91-98.
6. Семешко А.И., Суханова М.Г. 2021. Право на психическую целостность человека: определение понятия в контексте международно-правового регулирования. – *Пермский юридический альманах*. № 4. С. 162-174. URL: <https://sciup.org/pravo-na-psihicheskiju-celostnost-chelovekaopredelenie-ponjatija-v-kontekste-147236850> (дата обращения: 08.09.2025).
7. Торкунова Е.А. 2024. Запрет евгенических практик в Европе: политико-правовые причины. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 46-56.
8. Торкунова Е.А. 2025. Применение вспомогательных репродуктивных технологий в контексте права на целостность личности: международный и российский опыт. – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. № 3. С. 93-103.
9. Торкунова Е.А., Щербакова А.И. 2020. Правовое оформление евгеники и современные правовые тенденции в свете новейших биотехнологий. – *История государства и права*. № 11. С. 51-80.
10. Addis A. 2019. Dignity, integrity, and the concept of a person. – *ICL Journal*. Vol. 13. No. 4. P. 323-372.
11. Alegre S. 2017. Rethinking freedom of thought for the 21st century. – *European Human Rights Law Review*. Т. 3. No. 13. P. 221-233.
12. Bublitz C. 2024. Neurotechnologies and human rights: restating and reaffirming the multi-layered protection of the person. – *The International Journal of Human Rights*. Vol. 28. No. 5. P. 782-807.
13. Bublitz C. 2020. The nascent right to psychological integrity and mental self-determination. – *The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric*. Eds. by A. von Arnould, K. von der Decken, M. Susi. Cambridge: Cambridge Univ. Press. P. 387-403.
14. Cowell J.M., Decety J. 2015. The neuroscience of implicit moral evaluation and its relation to generosity in early childhood. – *Current Biology*. Vol. 25. No. 1. P. 93-97.
15. Craig J.N. 2016. Incarceration, direct brain intervention, and the right to mental integrity: a reply to Thomas Douglas. – *Neuroethics*. Vol. 9. No. 2. P. 107-118.

16. Hawkins N. 2016. A red herring: invalidity of human gene sequence patents. – *European Intellectual Property Law Review*. Vol. 38. No. 2. P. 83-91.
17. Hertz N. 2023. Neurorights – do we need new human rights? A reconsideration of the right to freedom of thought. – *Neuroethics*. Vol. 16. Art. 5. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12152-022-09511-0> (дата обращения: 17.06.2025).
18. Ienca M., Andorno R. 2017. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. – *Life Sciences, Society and Policy*. Vol. 13. Art. 5. P. 1-27.
19. Istace T. 2023. Protecting the mental realm: what does human rights law bring to the table? – *Netherlands Quarterly of Human Rights*. Vol. 41. No. 4. P. 214-234.
20. Lavazza A. 2018. Freedom of thought and mental integrity: the moral requirements for any neural prosthesis. – *Frontiers in Neuroscience*. Vol. 12. Art. 82. P. 1-10.
21. Lighthart S.L.T.J. 2019. Coercive Neuroimaging Technologies in Criminal Law in Europe: Exploring the Legal Implications for the Prohibition of Ill-Treatment (Article 3 ECHR). – *Regulating new technologies in uncertain times*. The Hague: TMC Asser Press. P. 83-102.
22. Tesink V., Douglas T., Forsberg L. et al. 2024. Right to mental integrity and neurotechnologies: implications of the extended mind thesis. – *Journal of Medical Ethics*. Vol. 50. No. 10. P. 656-663.
10. Ienca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. – *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13. Art. 5. P. 1-27.
11. Istace T. Protecting the mental realm: what does human rights law bring to the table? – *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 2023. Vol. 41. No. 4. P. 214-234.
12. Kalinichenko P.A., Ponomareva D.V. Jetiko-pravovye aspekty regulirovaniya genomnyh issledovanij v mezhdunarodnoj i rossijskoj praktike [Ethical and legal aspects of genomic research regulation in international and Russian practice]. – *Medicinskaja radiologija i radiacionnaja bezopasnost' [Medical radiology and radiation safety]*. 2019. T. 64. № 5. S. 69-70. (In Russ.)
13. Kosilkin S.V. Principy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya geneticheskikh issledovanij i zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii [Principles of international legal regulation of genetic research and legislation of the Russian Federation]. – *Lex Genetica*. 2023. № 2 (2). S. 34-52. (In Russ.)
14. Kravec I.A. Pravo na celostnost' lichnosti [The right to the integrity of the person]. – *Prava cheloveka: osnovnye ponjatija, kategorii, instituty: uchebnyj slovar' [Human rights: basic concepts, categories, institutions: an educational dictionary]*. Ekaterinburg: Gumanitarnyj un-t. 2023. 240 s. (In Russ.)
15. Kudrjavcev M.A. Dostoinstvo cheloveka i pravo na celostnost' lichnosti kak npravstvennyj imperativ nauchno-tehnicheskogo progressa [Human dignity and the right to the integrity of the person as a moral imperative of scientific and technological progress]. – *Vzaimodejstvie prava i morali. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. [The interaction of law and morality. Materials of the International Scientific Conference]*. Moscow. 20 maja 2014 g. Moscow: Mosk. gumanit. un-t. 2014. S. 91-98. (In Russ.)

References

1. Abashidze A.A., Solncev A.M. Novoe pokolenie prav cheloveka: somaticheskie prava [A new generation of human rights: somatic rights]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2009. № 1. S. 69-82. (In Russ.)
2. Addis A. Dignity, integrity, and the concept of a person. – *JCL Journal*. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 323-372.
3. Alegre S. Rethinking freedom of thought for the 21st century. – *European Human Rights Law Review*. 2017. T. 3. No. 13. P. 221-233.
4. Bublitz C. Neurotechnologies and human rights: restating and reaffirming the multi-layered protection of the person. – *The International Journal of Human Rights*. 2024. Vol. 28. No. 5. P. 782-807.
5. Bublitz C. The nascent right to psychological integrity and mental self-determination. – *The Cambridge Handbook of New Human Rights: Recognition, Novelty, Rhetoric*. Eds. by A. von Arnould, K. von der Decken, M. Susi. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2020. P. 387-403.
6. Cowell J.M., Decety J. The neuroscience of implicit moral evaluation and its relation to generosity in early childhood. – *Current Biology*. 2015. Vol. 25. No. 1. P. 93-97.
7. Craig J.N. Incarceration, direct brain intervention, and the right to mental integrity: a reply to Thomas Douglas. – *Neuroethics*. 2016. Vol. 9. No. 2. P. 107-118.
8. Hawkins N. A red herring: invalidity of human gene sequence patents. – *European Intellectual Property Law Review*. 2016. Vol. 38. No. 2. P. 83-91.
9. Hertz N. Neurorights – do we need new human rights? A reconsideration of the right to freedom of thought. – *Neuroethics*. 2023. Vol. 16. Art. 5. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12152-022-09511-0> (data obrashhenija: 17.06.2025).
16. Lavazza A. Freedom of thought and mental integrity: the moral requirements for any neural prosthesis. – *Frontiers in Neuroscience*. 2018. Vol. 12. Art. 82. P. 1-10.
17. Lighthart S.L.T.J. Coercive Neuroimaging Technologies in Criminal Law in Europe: Exploring the Legal Implications for the Prohibition of Ill-Treatment (Article 3 ECHR). – *Regulating new technologies in uncertain times*. The Hague: TMC Asser Press. 2019. P. 83-102.
18. Semeshko A.I., Suhanova M.G. Pravo na psihicheskiju celostnost' cheloveka: opredelenie ponjatija v kontekste mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya [The right to human mental integrity: definition of the concept in the context of international legal regulation]. – *Permskij juridicheskij al'manah [Perm Law Almanac]*. 2021. № 4. S. 162-174. URL: <https://sciup.org/pravo-na-psihicheskiju-celostnost-chelovekaopredelenie-ponjatija-v-kontekste-147236850> (data obrashhenija: 08.09.2025). (In Russ.)
19. Tesink V., Douglas T., Forsberg L. et al. Right to mental integrity and neurotechnologies: implications of the extended mind thesis. – *Journal of Medical Ethics*. 2024. Vol. 50. No. 10. P. 656-663.
20. Torkunova E.A. Primenenie vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij v kontekste prava na celostnost' lichnosti: mezhdunarodnyj i rossijskij opyt [The use of assisted reproductive technologies in the context of the right to the integrity of the person: international and Russian experience]. – *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA) [Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)]*. 2025. № 3. S. 93-103. (In Russ.)

21. Torkunova E.A. Shherbakova A.I. Pravovoe oformlenie evgeniki i sovremennye pravovye tendencii v svete novejsih biotekhnologij [The legal formalization of eugenics and current legal trends in the light of the latest biotechnologies]. – *Istorija gosudarstva i prava [History of the state and law]*. 2020. № 11. S. 51-80. (In Russ.)
22. Torkunova E.A. Zapret evgenicheskikh praktik v Evrope: politiko-pravovye prichiny [Prohibition of eugenic practices in Europe: political and legal reasons]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2024. № 4. С. 46-56. (In Russ.)

Информация об авторе**Джаваншир Мамед оглы АЛИЕВ**

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

aliyevjavanshir@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7582-8318

About the Author**Javanshir M. ALIYEV**

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

aliyevjavanshir@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7582-8318